

принт, КАРО, 2000.

6. Remarque E.M. Liebe deinen Nächsten. Wien; München; Basel: Verlag Kurt Desch, 1956.

Саламатова У.С.

*Научный руководитель: Е.Е.Приказчикова,
кандидат филологических наук, доцент*

УрГУ, Екатеринбург

ФЕНОМЕН ОБОРОТНИЧЕСТВА В “ДОЗОРАХ” СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО

Сергей Лукьяненко известный писатель-фантаст. Его цикл “Дозоров” состоит из четырех книг. Первая книга — “Ночной Дозор” — вышла в 1998 году, а через два года появился второй роман цикла — “Дневной Дозор”, написанный в соавторстве с Владимиром Васильевым. Затем выходит “Сумеречный Дозор”, и, наконец, последней книгой цикла на сегодняшний день является “Последний Дозор”.

В своей статье мне бы хотелось остановиться на проявление такого феномена как оборотничество в произведениях данного цикла, но для начала необходимо объяснить, что я понимаю под этим понятием. Оборотничество – это превращение человека в животное, чаще всего в волка. Оно бывает как добровольное – оборотень по собственному желанию. осуществляет превращение - расценивается как особое магическое умение, и не добровольное, тогда оно делится еще на два случая: наведение колдовства со стороны (колдуном, ведьмой, укусом другого оборотня и т.д.) и врожденное (переданное от родителей).

Феномен оборотничества во всех четырех Дозорах проявляется в нескольких пластах повествования. Первый пласт – это непосредственный образ оборотней, как низшей категории в иерархии мира иных, второй – маги перевертыши и высшие маги, способные к трансформации, третий – все иные со своей способностью к преображению в сумраке, и наконец четвертый пласт – все Светлые и Темные, и их жизненный путь.

Оборотни, как низшие существа мира Иных, стоят ступенью выше, нежели вампиры, с которыми им зачастую приходится выступать в роли “пушечного мяса”. От последних отличаются тем, что не являются нежитью. Оборотни -это живые люди, способные к перевоплощению. Так же могут иницировать человека. Не обладают возможностью повышать свой уровень силы за счет каких-либо внешних или внутренних факторов. Отличаются удивительной скрытностью: “Что меня поражает в оборотнях, - сказала

Светлана, - так это их тяга к скрытности”[1,292]. Имеют один существенный недостаток: в определенное время у них случается приступ, во время которого оборотни перестают себя контролировать. Это длится три-четыре ночи в месяц. Приступ можно почувствовать за десять-двенадцать часов до превращения [1,653]. Дети оборотней, как правило, наследуют способность оборачиваться.

Оборотни, понимаемые в смысле, указанном выше, в “Ночном Дозоре” не встречаются. В “Дневном Дозоре” встречаются эпизодично. Наиболее полно изображены только в “Сумеречном” и “Последнем Дозоре”.

Образ оборотня, использованный Лукьяненко, достаточно традиционен для русской мифологии [2]. В.И.Даль приводит такое определение оборотней: “Оборотень, вовкулак – человек, обращенный ведуну или ведьмой, или сам, как кудесник, перекидывающийся в волка и в других животных”[3,426]. Но если у Лукьяненко оборотни – это низшие существа, практически не обладающие магией, а только большей силой по сравнению с людьми, то в народных представлениях оборотничество – это одно из высочайших магических умений. Хотя здесь скорее сказывается особый контекст, заданный автором – мир Иных, где изначально подразумеваются отличные от людей способности. Но в некоторых эпизодах Лукьяненко сознательно делает противопоставление с привычным представлением об оборотнях, например, это момент, связанный с превращением. Оборотням в мире Иных не обязательно перевертываться, перепрыгивать и т.д. через какой-либо предмет. “Рядом <...> хрипло застонал Игорь и выгнулся дугой – руки и ноги на земле, хребет, будто переломившийся напополам, к небу. Вот откуда все эти сказки про необходимость перепрыгнуть через трухлявый пенек...”[1,215]. Но в третьем и четвертом пластах мотив некой грани, через которую необходимо перейти, присутствует.

Говоря о оборотнях необходимо отметить такую особенность, как отсутствие аналогии этим существам в иерархии Светлых. Темным магам противопоставлены Светлые, колдуньям – волшебницы, у вампиров аналог отсутствует из-за специфики их существования – они нежить и живут за счет чужой жизненной силы - человеческой крови. У оборотней же нет Светлого аналога, несмотря на то, что сам феномен оборотничества присутствует у Светлых. И здесь мы переходим ко второму пласту – Светлым магам, способным к перевоплощению – “трансформации”, как предпочитают говорить сами Светлые.

Боевые маги – трансформы. Имеют узкую боевую специализацию, но от Темных оборотней отличаются более высоким уровнем магии, пример – Тигренок, способная использовать заряженные амулеты, навешивать защитные заклинания, с легкостью побеждать вампиров и магов низшего уровня. Сами Светлые считают, что маги – перевертыши отличаются по сути только цветом: “Узкоспециализированные боевые маги – те же самые оборотни. Только с

другим знаком. Будь Тигренок чуть в другом настроении, впервые войдя в сумрак, она превратилась бы в Темную, в оборотня”[1,292]. Здесь необходимо обратить внимание на употребление слово маг по отношению к Светлым оборотням, и отсутствием его при упоминании о Темных. Так же важным моментом является то, что Светлые имеют несколько обликов, которые могут использовать при трансформации: “В этот раз для трансформации он (Медведь) выбрал облик белого медведя <...>. Нет, наверное, он все-таки маг, а не перевоспитавшийся оборотень. Оборотни скованы одним, максимум двумя обликами <...>”[1,133]. Высшие же маги, такие как Гесер и Завулон, могут принимать любое обличье, будь то животное или другой человек, пример - эпизод на крыше многоэтажки [1,148], когда Гесер предстает в облике молодого оперативника. Причем высшим магам не требуется времени на трансформацию, превращение происходит естественно и мгновенно: “Борис Игнатьевич обрел прежний облик. Разом, без всяких промежуточных метаморфоз и световых эффектов”[1,148]. Более того, они могут менять телами других людей, как было с Ольгой и Антоном, когда Городецкому приходилось скрываться от Темных. И вспомнив об Ольге, нельзя не отметить еще одной способности Высших магов – превращать других, не только простых людей, но и магов в животных, как собственно и было с Ольгой, когда за свой проступок она была заключена в тело совы.

И здесь же пора перейти к такому явлению в мире Иных, как наличие Сумеречного облика у любого Иного, как Светлого, так и Темного. Каждый, способный входить в Сумрак, преображается при пересечении грани между миром реальным и ирреальным. При переходе в Сумеречный облик Иные претерпевают видимую трансформацию, судя по описанию Завулона на нее требуется определенное время, как и у обычных оборотней: “Тело его (Завулона) изменилось, приобретая классические признаки демона: тусклая чешуя вместо кожи, неправильная форма черепа, поросшего вместо волос какой-то свалившейся шерстью, узкие глаза с вертикальными зрачками”[1,144]. Причем Иные сами выбирают свой сумеречный облик -- он “подсознательная мечта Иного”[1,582]. Плюс высшие Иные могут и в реальном мире поддерживать некий, созданный ими образ, например, Завулон с его интеллигентным строгим образом шефа Дневного Дозора, или ведьма Арина, способная оборачиваться как молодой девушкой, так и опрятной старушкой: “Я (Городецкий) стоял и смотрел на эту странную женщину – такую красивую в человеческом облике, такую отвратительную в истинном виде. <...> Миг и Арина преобразилась. Превратилась в опрятную старушку, румяную, чуть сгорбленную, с живыми бойкими глазами, умеренно беззубым ртом, седыми, но крепко уложенными волосами”[1,166]. То есть Иные по сути постоянно занимаются оборотничеством: трансформация при переходе в Сумрак, плюс многие создают себе определенный облик и в реальном мире. Где же тогда их истинное

лицо? Его можно увидеть взглянув на Иного из Сумрака, причем сам он должен находиться в мире людей. С внешним оборотничеством вроде бы все понятно, но вот тут-то и встает основная проблема: моральное оборотничество. И высшие маги здесь будут первыми оборотнями. Особенно это относится к Гесеру, высшему магу Ночного Дозора, стражу Света.

И это и есть четвертый пласт – философский фундамент всех произведений цикла о Дозорах, связанный с проблемой выбора. Из всех Светлых Иных не превратится в оборотня удастся пожалуй только Антону Городецкому – натуре сомневающейся и рефлексирующей. Каждый шаг он делает с оглядкой: а будет ли это делом Света, не повлечет ли за собой страшных последствий? В критические моменты, когда любое решение может стать судьбоносным герой даже решается на собственную реморализацию. Тогда как Гесер – это игрок, для него борьба Дозоров, это давняя и интригующая игра. Ради удачного хода он готов жертвовать своими пешками, что и ставит ему в вину Городецкий: “Два великих мага, сотни лет противостоящих друг другу, затевают очередную маленькую войну. И Светлому магу труднее, он все ставит на карту. И проигрыш для него не просто неприятность, это шаг в Сумрак, в Сумрак навсегда. Но все-таки он ставит на карту всех. Своих и чужих”[1,150]. Дело в том, что, если Светлый не может оправдать своих действий в собственных глазах, т.е. сам не верит во благо совершенного, то его ждет развоплощение – уход в Сумрак, превращение в бесплотную тень. Именно это и произошло с Игорем Тепловым, когда он осознал себя виновным в гибели возлюбленной. Но если говорить о Гесере, то как раз и возникает тема оборотничества – он всегда может оправдать свои поступки, найти лазейки для собственной совести. Гесер считает возможным использовать людей, человеческую энергию при воплощении в жизнь своих планов, так как всегда может оправдать свои действия неким большим благом. Но если разница между Светлыми и Темными в том, что Темные действуют ради личной выгоды, а Светлые для общего блага, то как же тогда расценивать поступки Гесера. Ведь все его “многоходовки” по сути рассчитаны на сохранение власти, хотя это предпочтительно называется сохранением баланса между силами Тьмы и Света. В борьбе Завулونا и Гесера нет четкой грани, разделяющей добро и зло. Тогда совершенно закономерно встает вопрос: является ли Гесер носителем добра, или это всего лишь очередной оборотень, прикинувшийся воином Света. И можно ли вообще говорить о Свете и Тьме, Добре и Зле, или это две стороны одной медали?

Тема оборотничества весьма своеобразно раскрывается в “Дозорах” Сергея Лукьяненко. Автор от традиционного образа мифического существа переходит к философским вопросам добра и зла в мире, где по сути каждый является оборотнем, как на физическом уровне, так и на моральном. Каждый Иной стоит на тонкой грани, и от любого его шага зависит, станет ли

он истинным оборотнем или останется магом способным к перевоплощению, чье магическое умение растет во благо людям.

Литература:

1. Лукьяненко С. Ночной дозор. Дневной дозор. Сумеречный дозор. М., 2004
2. Левкиевская Е.Е. Восточнославянский этнолингвистический сборник. М., 2001
3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М., 2001

Сараев Л. О.

Научный руководитель: Назарова Л. А.

кандидат филологических наук, доцент

УрГУ, Екатеринбург

РЕЛИГИОЗНЫЙ ПОДТЕКСТ СТИХОТВОРЕНИЯ ЭЛЬЗЫ ЛАСКЕР-ШЮЛЕР «ЯКОВ»

Эльзу Ласкер-Шюлер (1869 – 1945) по праву считают одним из известнейших поэтов немецкого экспрессионизма. Ее современник, поэт Готфрид Бенн, отмечал, что поэтесса «обладала великолепным талантом» и в большинстве своих произведений «попыталась соединить воедино еврейское и немецкое начала». Результатом этого культурно-поэтического синтеза стал цикл «Еврейские баллады», где каждое стихотворение посвящено одному из героев Ветхого Завета.

Религиозная тема в литературе рубежа XIX-XX вв. являлась одной из самых актуальных, поскольку в обществе того времени господствовало предчувствие великой катастрофы – дня Страшного суда. Немало способствовало появлению таких умонастроений и теория Ф. Ницше о сверхчеловеке, в которой говорилось о том, что «Бог умер». Лирика, как выражение субъективного мироощущения, ощутила на себе влияние данных мотивов и буквально «завладела» этой литературной эпохой. В России это было декадентство и «серебряный» век. В Европе самым ярким примером стал немецкий экспрессионизм, чьим «ключевым образом...стал Апокалипсис» - на это указывает в своей статье «Поэзия эпохи перемен» В. Топоров. К сожалению, немецкий литературный экспрессионизм, широко изученный в западном литературоведении (Л. Ришар, К. Пинтус, И. Барк), практически неизвестен в отечественной литературной критике. Среди известных отечественных научных трудов можно назвать работу «Немецкая литература от древности до наших дней» А. Н. Гиривенко и монографию Н. Пестовой «Немецкий литературный экспрессионизм», от которой мы отталкивались при написании данной статьи, поскольку она наиболее близка к теме.